

Сказки Шарля Перро. Рике с хохолком (Хохлик)

Жила-была одна королева, и родила она сына, такого уroda, что долго сомневались, да полно, человек ли это? Волшебница, которая находилась при его рождении, заверила, что он будет очень умен. Она прибавила даже, что, силою ее чародейства, он будет сообщать свой ум всякому, кого крепко полюбит.

Все это несколько утешило бедную королеву, которая очень огорчалась тем, что родила такого безобразного ребенка.

Но едва этот ребенок начал лепетать, как он стал говорить чрезвычайно умные вещи, и во всем, что только он ни делал, было столько ума, что все приходили от него в восхищение.

Я забыл сказать, что дитя родилось с небольшим пучком волос на голове, отчего его и прозвали Хохликом.

Лет этак через семь или восемь королева соседнего царства родила двух дочерей.

Первая, которая явилась на свет, была прекрасна как день; королева так этому обрадовалась, что с нею чуть не сделалось дурно.

Та самая волшебница, которая находилась при рождении маленького Хохлика, присутствовала и здесь, и, чтобы умерить радость королевы, объявила, что новорожденной принцессе бог не

дал разума и что она будет столько же глупа, сколько хороша. Это очень тронуло королеву; но через несколько минут с нею случилось еще большее горе: она родила вторую дочь, страшного уродца.

– Не горюйте, сударыня, – сказала ей волшебница, – ваша дочь будет награждена другими достоинствами: она будет так умна, что почти никто и не заметит в ней недостатка красоты.

– Дай бог! – отвечала королева. – Но нельзя ли снабдить немножко умом старшую, которая так красива?

– Со стороны ума, сударыня, я ничего не могу сделать, – отвечала волшебница, – но все могу со стороны красоты, и как для вас я все готова предпринять, то даю ей в дар, что она будет сообщать свою красоту всякому, кого крепко полюбит.

По мере того как принцессы подрастали, их совершенства увеличивались. Везде только и было речей, что о красоте старшей да об уме младшей.

Правда, что с возрастом увеличивались и их недостатки: младшая дурнела с каждой минутой, а старшая с каждым часом становилась все глупее и глупее. Кроме того, она была такая разиня, что не могла чашку на стол поставить, не отбив ей ушка, а, когда пила воду, половину стакана опрокидывала себе на платье.

Хотя красота и большое достоинство в молодой особе, однако гостям младшая почти всегда нравилась больше старшей.

Сперва гости подседали к красавице, поглядеть на нее, полюбоваться; но потом они переходили к разумнице, послушать ее приятные речи, и, к изумлению всей компании, минут через десять возле старшей уже не оставалось никого и гости толпились вокруг младшей.

Старшая хотя и была глупа как пробка, однако заметила это, и она без сожаления отдала бы всю красоту за половину сестриного ума.

Королева, несмотря на все свое благоразумие, не могла удержаться, чтобы не попрекать дочь ее глупостью. От этого бедная принцесса чуть не умирала с горя.

Раз пошла она в лесок поплакать о своем несчастье, только видит – подходит к ней молодой человек, весьма некрасивый и весьма неприятный, но в роскошном платье.

То был молодой принц Хохлик, который влюбился в нее по портретам, распространенным по всему свету, и оставил свое королевство, чтобы иметь удовольствие видеть ее и говорить с ней.

Радуюсь, что встретил принцессу наедине, Хохлик подошел к ней как можно почтительнее и вежливее. Поздоровавшись как следует, он заметил, что принцесса печальна, и говорит:

– Не понимаю, сударыня, как такая прекрасная особа может находиться в такой задумчивости, ибо хотя я могу похвалиться, что видел множество прекрасных особ, однако обязан сказать, что никогда не видел такой красоты, какова ваша.

– Какой вы комплиментщик, сударь! – отвечала принцесса, да на том и остановилась.

– Красота, – продолжал Хохлик, – есть такое великое достоинство, что она должна заменять все, и кто красотой обладает, тот не может, по моему мнению, ни о чем горевать.

– Лучше я была бы, – говорит принцесса, – такой же урод, как вы, да имела бы ум, чем с моею красотой да быть такой душой.

– Ничто, сударыня, так не доказывает ум, как убеждение в его отсутствии. Ум по природе своей такое достояние, что чем больше его имеешь, тем больше веришь в его недостаток.

– Этого я не знаю, – говорит принцесса, – но знаю, что я очень глупа, оттого и горюю до смерти.

– Только-то, сударыня! Я могу положить конец вашей печали.

– Как так? – спросила принцесса.

– Я могу, сударыня, сообщить свой ум той особе, которую крепко люблю; а как вы-то, сударыня, и есть эта самая особа, то от вас самих зависит поумнеть, как только возможно, лишь бы вы согласились пойти за меня замуж.

Принцесса смутилась и ничего не отвечала.

– Вижу, – продолжал Хохлик, – что это предложение вам не по вкусу, и не удивляюсь, но даю вам целый год времени: подумайте и решитесь.

Принцесса была так глупа и вместе с тем ей так хотелось поумнеть, что, думая, когда-то еще год пройдет, она согласилась на предложение. Как только она обещала Хохлику выйти за него ровно через год, день в день, так сейчас

почувствовала себя совсем иною: нашла в себе невероятное умение говорить все, что вздумается, и говорить тонким, естественным и приятным манером. В ту же минуту она повела с Хохликом живой и галантный разговор, в котором так отличилась, что Хохлик недоумевал, уж не сообщил ли он ей больше ума, чем себе самому оставил.

Когда принцесса возвратилась во дворец, придворные не знали, чем объяснить такое внезапное и необыкновенное превращение, ибо сколько прежде у нее вырывалось глупостей, столько теперь слышали от нее здравых и умных речей.

Весь двор пришел в невообразимую радость, только одна младшая сестра была не совсем довольна, потому что, потеряв свое прежнее преимущество над сестрою, она теперь казалась в сравнении с нею не чем иным, как безобразной мартышкой.

Король стал обращаться к принцессе за советом и даже решал иногда в ее комнате государственные дела.

Слух об этой перемене распространился повсюду. Из всех соседних королевств стали съезжаться молодые принцы, усиливаясь понравиться принцессе и добиваясь ее руки, но она не находила их достаточно умными и выслушивала предложения, никому не давая слова.

Наконец явился жених такой могущественный, такой богатый, такой умный и такой стройный, что принцесса почувствовала к нему склонность.

Заметив это, король сказал, что предоставляет выбор супруга на ее волю и что, как она решит, так тому и быть.

Известно, что чем человек умнее, тем ему в этих брачных делах труднее принять какое-нибудь решение. Поэтому принцесса, поблагодарив отца, просила дать ей время подумать.

Потом она пошла прогуляться и, попав нечаянно в тот самый лесок, где свела с Хохликом знакомство, принялась раздумывать на свободе, что ей делать.

Гуляет она, думает свою думу... только вдруг слышит под ногами глухой шум, точно под землю ходят, бегают, справляют какое-то дело.

Прислушалась она внимательнее и слышит, один кричит: «Поддай мне котел», а другой: «Подложи в огонь дров»...

В ту же самую минуту земля разверзлась, и она увидела у себя под ногами как бы большую кухню, полную поваров, поваренков и всякого люда, какой только нужен для приготовления роскошного пира. Толпа человек в двадцать или в тридцать выскочила оттуда, пошла в одну из ближайших аллей, уселась вокруг длинного стола и с кухонными ножами в руках, с поварскими колпаками набекрень давай рубить в такт мясо, напевая веселую песню.

Принцесса, удивленная этим зрелищем, спросила их, для кого они подняли такую возню?

– Для принца Хохлика.

Принцесса удивилась еще больше и, вспомнив вдруг, что ровно год назад, день в день, она обещала выйти за Хохлика замуж, чуть было не свалилась с ног. А забыла она про все это потому, что, когда давала обещание, тогда была дурой, получив же от принца ум, запомнила все свои глупости.

Не прошла она и тридцати шагов, продолжая прогулку, как явился переднею сам Хохлик, веселый и бравый, разодетый, как следует жениху.

– Вы изволите видеть, сударыня, – сказал он, – что я свято держу свое слово. Не сомневаюсь, что и вы также пришли сюда, чтобы сдержать свое и, отдав мне вашу руку, сделать меня счастливейшим из смертных.

– Признаться вам откровенно, – отвечала принцесса, – я еще не приняла на этот счет никакого решения, да, кажется, никогда и не приму такого решения, какое вам было бы желательно.

– Вы меня удивляете, сударыня! – вскричал Хохлик.

– Верю, – отвечала принцесса, – и, без сомнения, имей я дело с нахалом или с дураком, я находилась бы в очень затруднительном положении. Он сказал бы мне, что принцесса должна держать свое слово и что так как я слово дала, то и выйти за него должна. Но как я говорю с самым умным человеком в свете, то уверена, что он примет мои резоны. Вам известно, что я не решалась выйти за вас даже тогда, когда была набитой дурой. Как же вы хотите, чтобы, получив от вас ум, сделавший меня еще разборчивее прежнего, я приняла теперь решение, которого избегала прежде? Если вы так дорожите этою женитьбою, вы

напрасно избавили меня от глупости и открыли мне глаза.

– Если бы даже дураку, – отвечал Хохлик, – было позволительно, как вы сейчас изволили заметить, попрекнуть вас изменой, то как же вы хотите, сударыня, чтоб я удержался от упреков, когда дело идет о счастье всей жизни? Справедливо ли требовать, чтоб умные люди терпели больше дураков? Можете ли вы утверждать это, вы, особа умная и столь желавшая поумнеть? Но приступим, если позволите, к делу. Помимо моего безобразия имеете ли вы еще что другое против моей персоны? Находите вы мой род худым или мой ум, или мой нрав, или мои манеры вас не удовлетворяют?

– Нисколько, – отвечала принцесса – мне, напротив, нравится в вас все, что вы сейчас пересчитали.

– Если так, – продолжал Хохлик, – я буду счастлив, ибо вы можете сделать меня красивейшим из смертных.

– Каким это образом? – спросила принцесса.

– Очень просто, – отвечал Хохлик. – Это сбудется, стоит только полюбить меня и пожелать, чтоб это сбылось. А чтобы вы, сударыня, не сомневались в моих словах, знайте, что та самая волшебница, которая в день моего рождения дозволила мне сообщить свой ум тому, кого я крепко люблю, эта самая волшебница и вам разрешила сообщить вашу красоту тому, кого вы крепко полюбите и кому пожелаете оказать такую милость.

– Если так, – сказала принцесса, – желаю всем сердцем, чтобы вы были самым красивым и самым любезным принцем в свете, и сообщаю вам свою красоту, насколько это от меня зависит.

Принцесса еще не договорила своих слов, как Хохлик показался ей самым красивым, самым стройным и самым любезным человеком в свете.

Иные историки утверждают, что не чародейство волшебницы, а любовь произвела это превращение. Они говорят, что когда принцесса поразмыслила о постоянстве своего жениха, об его скромности и обо всех его качествах душевных и телесных, то безобразие его лица и уродливость его тела скрылись от ее глаз. Горб показался ей осанкой важного человека, хромоту она нашла приятной походкой, косые глаза превратились в выразительные очи, растерянный взгляд пошел за признак сильной любовной страсти, и даже большой красный нос явился ей в

воинственном, геройском виде..

Так или иначе, но принцесса тут же обещала ему свою руку, если только он получит согласие короля.

Король, сведав, что дочь его очень уважает Хохлика, и зная принца с хорошей стороны, с удовольствием согласился сделать его своим зятем.

На другой же день сыграли свадьбу, как Хохлик это предвидел, и с церемониею, которую давно уже приготовили по его приказу.

Загрузка...